

P1/c132)

K29

K 41917

CKA

Р/С 1321
Г. К. К 29

СТИХОТВОРЕНІЯ

Евсима Львовича

КАТАНСКАГО.

Секретаря Тульской Уѣздной Полиціи.

ЧАСТЬ I-я.

Издание А. Д. ЛЬВОВА.

Цѣна 25 коп.

ТУЛА.

Типо-Литографія Е. И. Дружининой, Кіевская ул., д. Кольцова.

1893.

Атлас

10 = 70 8 x 10 = 80

104. Иллюстрация, Гомени. Формат 170x2

30 8/15 41

10 коп.

Продажа по цене в
кадесте

~~1876~~ РМ (С132)

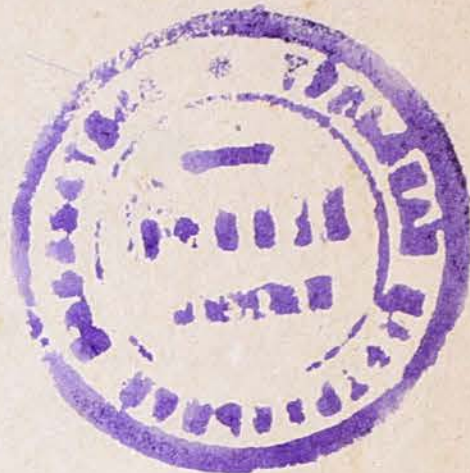
К 29

Т. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Евсимиа Львовича

КАТАНСКАГО.

Секретаря Тульской Уѣздной Полиціи.

ЧАСТЬ I-я.

Издание А. Д. ЛЬВОВА.

ТУЛА.

Типографія и литографія Е. И. Дружининой, Кіевская ул., д. Шириевой.
1893.

Дозволено цензурою. Москва. 13 Августа 1892 г

В е с н а.

Ручьи съ горъ стремятся клубомъ,
Рѣка вышла изъ береговъ,
По низу надъ талымъ лугомъ
Раздается хоръ пѣвцовъ;
Жаворонки вьются стадомъ
Вверхъ, и внизъ, и тутъ и тамъ,
И грачи гнѣздятся съ гамомъ
По разореннымъ гнѣздамъ;
Слышенъ голосъ дикой утки,
Вотъ и чибисъ прокричалъ,
Слышу свистъ знакомой дудки—
Пастухъ пѣсню заигралъ.
О весна, весна святая!
Для всѣхъ радость ты несешь,
Покровъ зимній принимая,
Милость смертнымъ подаешь. —
Вотъ старикъ кряхтѣлъ всю зиму—
Не могъ лаптя сработать,
А теперь? Дивися диву!
Щену вышелъ собирать.

Вотъ вдовица съ сиротами—
Сколько слезъ было у нихъ?
Но простилися съ слезами:
Весна праздникъ и для нихъ.
Босы, голы, но смотри-ка—
Какъ резвятся мазуры!
Радость столько ихъ велика,
Сколько таинство весны;
Съ снѣгомъ стояло ихъ горе,
Съ водой слезы унесло,
И житейское ихъ море
Вдругъ надеждой зацвѣло.
Они вѣрятъ, что съ весною
Горя сбавится у нихъ,
Жизнь исправится судьбою:
Судьба всѣмъ надѣлать ихъ;
Дастъ имъ денегъ, дастъ имъ хлѣба
Въ цвѣтахъ, ягодахъ, грибахъ,
И подъ теплымъ сводомъ неба
Скорбь забудется въ трудахъ;
Дни счастливые настанутъ—
Бросятъ горькую суму,
Ручекъ больше не протянутъ
За подачкой ни къ кому.

Р о щ а.

Вершину солнце золотить,
Колышетъ рощу вѣтерокъ,
Тихонько грудь ея дрожить,
Чуть, чуть трепещется листокъ;
Росы слезиночки висятъ
На всѣхъ деревьяхъ и кустахъ,
И какъ алмазъ онѣ блестятъ
Вездѣ на солнечныхъ лучахъ;
А у ногъ моихъ пестрѣтъ
Узоръ разброшенныхъ ковровъ,
Надъ нимъ носится и вѣтъ
Благоуханіе цвѣтовъ.
И сладко груди дышется—
Тоску уносить далеко;
Любовью сердце движется:
Живется въ рощицѣ легко.—
Вотъ кузнечикъ привольно—
Трещить безумолку въ травѣ;
Вьется бабочка спокойно,
Жужжить и пчелка на цвѣткѣ,
И играютъ массой мошки,
Кружася въ воздухѣ кольцомъ;
Оглашаются дорожки
Залетнымъ громкимъ соловьемъ;

Ему вторять пташекъ хоры—
Веселью въ рощѣ нѣтъ конца!
Отражаютъ звуки горы,
Несется эхо въ небеса!

С о с н а.

При дорогѣ одиноко
Стоить старая сосна;
Даль открыта,—издалека
Она путнику видна;
Беззащитная отъ зноя
Почернѣлая стоитъ;
Рокъ коварствуетъ—безъ боя
Ее смертію разить!—
Шлемъ зеленый надломила
Буря, павшая съ небесъ;
Время корни обнажило,
Весь покровъ съ нея исчезъ.
Искра жизни угасаетъ,
Но въ бреду предсмертныхъ мукъ
Ее что то утѣшаетъ:
Зеленѣетъ одинъ сукъ.
Что-жъ такое? Да святое
Дѣло сдѣлала она!
И хорошее, и злое

Повидать ей жизнь дала.—
 У ней паны пировали
 И бродягамъ притонъ былъ,
 Чумаки ночлегъ держали
 И цыганъ коней кормилъ;
 Богомольцы отдыхали,
 Въ ночь разбойникъ сторожилъ,
 Всласть счастливыцы ликовали
 И бездольный слезы лилъ.
 Но безмолвно всѣхъ ютила
 Сосна слишкомъ цѣлый вѣкъ,
 Никого неосудила—
 Вотъ въ чемъ радость,—человѣкъ!

Въ лѣсу.

Иду.—И только посохъ длинный
 Въ моемъ пути товарищъ мнѣ,
 А путь далекій!—въ край родимый
 Иду къ родной своей семьѣ.
 Дорога старая; холмами
 Песокъ раскинулся по ней
 И даль со всѣхъ сторонъ лѣсами
 Огородилася отъ ней.
 Шумить уныло боръ сосновый,
 Чуть, чуть колеблясь на верху,

И запахъ носится гробовый,
И мгла стоитъ по всемъ низу;
Невидно травки, ни цвѣточка;
Вездѣ пестрѣтся сушнякъ,
Ни бабочки, ни мотылечка,
Одинъ встѣчается ужакъ;
Не слышно пѣнія пернатыхъ,
Вотъ лишь кузнечикъ дребежжитъ,
Да крики хищниковъ крылатыхъ
Порою эхо повторить.
Иду, гляжу на боръ дремучій!
И грустно, грустно на душѣ:
Все думы черныя, какъ тучи,
Роятся, молча, въ головѣ.
Впередъ смотрю—нѣтъ мнѣ подобныхъ,
Никто и въ слѣдъ за мной нейдетъ,
А одному въ лѣсахъ огромныхъ
Такъ страшно, оторопѣ беретъ!
Вотъ трескъ слышался внезапный!
Вотъ зашумѣло въ сторонѣ!
Въ лицѣ мѣняюся, несчастный,
Безъ страха страхъ вижу вездѣ.—
То жду таптыгина явленье,
То грежу волка въ сторонѣ,
То отъ бродяги нападенье
Предполагаю самъ себѣ.

И нѣтъ надежной обороны—
Что посохъ мой противъ враговъ?
Онъ клювъ растрепанной вороны
Противъ когтей хищныхъ орловъ.
Иду и взоры обращаю
Впередъ, назадъ, и вверху, и въ бокъ;
Спѣшу, отчаянно ступаю,
Какъ отъ погони гончихъ волкъ.
Вотъ солнца нѣтъ, уже зарею
Далекій западъ багровѣлъ,
И лѣсъ богряной пеленою
Покрылся весь и пламенѣлъ;
Вечерней вѣяло прохладой,
Носились тучи комарей,—
Грудь переполнилась досадой!
Но вотъ вдругъ щелкнулъ соловей...
Въ моментъ весь лѣсъ преобразился
Въ волшебный замокъ древнихъ фей:
Въ лѣсу внезапно появился
Хоръ соловьевъ—богатырей!
Одна другой пріятнѣй трели
Покоятъ грудь, и грусть мою,
А съ ней всѣ призраки и тѣни
Въ мигъ отлетаютъ отъ меня.—
Теперь я шелъ такой ступою,
Какой въ саду своемъ гулялъ;

Ожилъ, окрѣпъ тогда душою
И страха въ сердцѣ не держалъ.
Часъ ночи темной начинался,
Но равень былъ размѣръ шаговъ,—
Я тихо, тихо приближался
Къ пустынь „Бѣлыхъ Береговъ“.

У берега.

Что, склонившись надъ рѣкою,
Въ глубь задумчиво глядишь
И за быструю струею
Такъ внимательно слѣдишь?
Что за мысль,—о чемъ мечтаешь?
Что за тайна въ глубинѣ?
Что за грусть, о чемъ вздыхаешь?
Что печальнаго въ рѣкѣ?
Или сходство ты замѣтилъ
Жизни съ быстрой рѣкой,
Своей мысли цѣль намѣтилъ
И несешься за струей?
Правда, вѣрно размышляешь!
Всѣмъ подобна жизнь рѣкѣ:
Въ жизни также ты ныряешь,
Какъ и въ водной глубинѣ.—
Вотъ у берега дно видно,
А ужъ дальше?—невидать!

Нынѣ ты живешь завидно,
А какъ дальше? неузнать!
Мракомъ будущность покрыта,
Неизвѣстна, какъ и дно;
А судьба людей сердита—
Нынѣ доля, завтра—зло;
У побережья былъ спокоенъ,
Ступилъ дальше,—и утопъ;
Жилъ вчера и былъ доволенъ,
А на завтра?—пуля въ лобъ!
Но гляди!—рѣка играетъ,
Льется быстрою струей,
А ея вѣдь ожидаетъ
Море съ грозною волной!
Знаютъ струйки, что погибнуть,
Какъ до моря доплывутъ:
Грядой волны ихъ накинутъ,
Съ собой въ бездну понесутъ;
Уничтожатъ всю ихъ сладость,
Снабдятъ горечью своей,
И погибнетъ для нихъ радость
И животныхъ, и полей.
Вотъ и ты живешь, ликуешь
И несешься, какъ струя,
А куда? то сердцемъ чуешь—
Въ неприглядные края!

Гдѣ церковникъ тебя встрѣтитъ,
А священникъ отпоетъ,
Земля матушка привѣтитъ,
Прахъ травою заростетъ.
Но вотъ диво! струйка мчится
Безъ печали и съ игрой,
Значить все, что съ ней случится
Не грозитъ еще бѣдой.—
Струйка знаетъ, что на морѣ
Солнце свѣтитъ, какъ вездѣ,
А при солнцѣ для ней горе
Не погибельно нигдѣ.—
Лишь тепло воды коснется,
Въ облака струя уйдетъ,
Къ тучи гдѣ нибудь прибѣтсѣ
И на землю упадетъ;
Снова явится рѣкою,
Снова къ морю поплыветъ;
Беззаботно и съ игрою
Такъ весь вѣкъ свой проживетъ.—
Вотъ и ты все суетишься,
Для могилы не живешь,—
Это значить—возвратишься,
Такъ какъ струйка, не умрешь.—
Изъ растенья трупъ твой сложенъ
И въ растенье перейдетъ,

Этотъ путь ему возможенъ
И въ природѣ онъ живетъ.—
Вѣдь въ могилѣ твое тѣло
Неостанется лежать!
Солнце глянетъ—будетъ дѣло—
Станетъ трупъ твой претворять;
Его сдѣлаетъ землею,
Изъ ней злаки поростутъ,
Станутъ пищею землею,
Въ тѣло новое войдутъ.—
А твой духъ? такъ онъ томится
Недовольствомъ на землѣ,—
Это значитъ—онъ стремится
Къ міру ангельской семьѣ;
Гдѣ на крыльяхъ мысли быстрой
Летать будетъ по звѣздамъ,
Атмосферой дышать чистой,
Невозможною тѣламъ;
Любознательность заманетъ
Во вселенную его,
И онъ больше не вспомнеть
Тогда тѣла своего.
Такъ живи, другъ, веселѣ
И, какъ струйка, не робѣй!
Къ гробу мчися, будь смѣлѣе!—
Нѣтъ оковъ въ немъ, нѣтъ цѣпей!

Прогулка.

Тяжело на душѣ—
Безотчетная грусть;
Мочи нѣтъ отъ ней мнѣ!
Дай пойду, развлекусь,
Вонъ изъ города?—Тамъ
Безъ заботы, тревогъ,
По раздольнымъ холмамъ
Боръ зеленый залегъ;
И шумить сотни лѣтъ
Надъ долиной рѣки,
Шепчетъ ей свой привѣтъ
Въ часъ вечерней зари;
И играетъ рѣка—
Льется свѣтлой струей,
Мчится къ морю струя
По дорогѣ большой;
Съ камышомъ на пути
Споръ слегка заведетъ;
Отъ напора струи
Камышъ грудью вздрогнетъ;
Серебристой волной
Наклонится отрядъ
И, простившись съ струей,
Вновь становится въ рядъ

Сторожить въ тишинѣ
Отъ коварныхъ очей
Въ своей густой листвѣ
Стада водныхъ дѣтей.—
Тамъ луга по рѣкѣ
Разноцвѣтнымъ ковромъ
Разостлались вездѣ
На пространствѣ большомъ;
Въ головахъ ихъ поля
Съ рожью, гречью, овсомъ;
Паровая-жъ земля
Подъ пригульнымъ скотомъ.—
Пастухи въ сторонѣ
Развели огонекъ,
Поютъ пѣснь на зарѣ
Подъ завѣтный рожокъ;
Пѣсни вторить въ лѣсу
Богатырь соловей
И кукушка „ку, ку!“
Тянетъ въ тѣни вѣтвей.—
Веселѣй на душѣ
Стало мнѣ той порой;
Я присѣлъ на горѣ
И самъ думалъ съ собой.—
„Знать въ природѣ не такъ,
Какъ по хатамъ живутъ;

Здѣсь меньшакъ и большакъ
Межъ собой не ведутъ
Ни войны, ни судовъ,
Злобы, зависти нѣтъ,
Безъ хлопотъ и трудовъ
Добывають обѣдъ;
Нѣтъ тутъ скуки, тоски,
Съ лучемъ солнца встаютъ,
Веселятся всѣ дни
И въ довольствѣ живутъ“.
Но недолго пришлось
Мнѣ прельщаться мечтой!
Той порой случилось—
Летѣлъ ястребъ домой;
Перепелка въ когтяхъ
Трепеталася зло:
На лету хищный врагъ
Терзалъ мясо ее!
Той порой съ высоты
И кукушка долой,—
Перебралась въ кусты
Искать пищи живой,
И клюетъ, какъ зерно
Насѣкомыхъ живьемъ,—
Гаснетъ жизнь все равно,
Какъ звукъ въ домѣ пустомъ.—

Той порой пастухи
 Перестали играть,
 Взяли палки свои,
 Съ крикомъ къ стаду бѣжать:
 Волкъ подкрался къ овцамъ,
 Кровь пустилъ по степи,
 И съ добычей къ кустамъ
 Въ мигъ направилъ шаги.—
 Отъ картины такой
 Я поднялся пошелъ.

Л ъ т о.

Что любилося, ликовало
 Мимолетною весной,
 То все вдругъ откочевало—
 Лѣто строй ведетъ другой.—
 Нивы въ полѣ золотятся,
 Колыхаяся волной,
 Въ зною рощицы томятся,
 Даль покрыта синевой;
 Вихри по полю гарцуютъ,—
 Пыль клубится къ облакамъ,
 И съ полей стада кочуютъ
 Въ полуденный часъ къ водамъ;
 Знойно, душно, и не вьется

Жаворонокъ въ вышинѣ,
 Его пѣсня раздаётся
 Лѣтомъ только на зарѣ;
 Соловьи пѣть перестали
 И кукушка не кричитъ;
 Караулить сады стали,
 На лугу коса звенить;
 Луга скосятъ и за нивы
 Дружной примутся рукой;
 Позабудутся кручины,
 Расквитаются съ нуждой!
 Всѣ семейства будутъ съ хлѣбомъ—
 Отдохнуть отъ суеты;
 Не забыты будутъ лѣтомъ
 И всѣ пасынки судьбы!

Засуха.

Роща поблѣднѣла---
 Кудри расплелися,
 Трава пожелтѣла—
 Бѣды пронеслися!—
 Солнцемъ все зноило,
 Вѣтромъ все сушило,
 А сѣдя тучи,
 Какъ птица летучи,—

Сойдутся, посмотрятъ
И въ даль понесутся,—
Капли не уронятъ,
Только насмѣются.—
Плакучая ива
Вѣтви опустила,
Золотая нива
Совсѣмъ приуныла;
Тонокъ стебелечекъ—
Словно шелковинка;
Дунеть вѣтерочекъ—
Ломится былинка,
И колось съ былинкой
На землю ложится;
Съ раннею могилкой,
Нехотя мирится.—
Какъ плохая доля
Жажда одолѣла,
Какъ тюрьма, неволя—
И жизнь надоѣла!
По болоту сухо,
Хоть несися тройкой;
По лугу тишь, глухо,
Нѣту пѣсни звонкой!
Полевые птицы

Дѣтокъ позабрали,
 Поближе къ водицѣ
 Съ ними скочевали,
 Лишь кузнечикъ тихо
 Дребезжить крылами
 Всѣмъ приходитъ лихо
 Кто подъ небесами!
 Вышелъ пахарь въ поле,
 Поникъ головою;
 О своей онъ долѣ
 Думалъ самъ съ собою.—
 „Чужимъ сѣяль въ пору,
 „Себѣ—не во время,
 „Думалъ собрать гору,
 „Соберу беремя!

Новое поле.

Стонетъ поле,—соха
 Грудь скребетъ и деретъ;
 Слышенъ крикъ мужика—
 Кляча плохо идетъ.
 Работается новъ,
 Изъ подъ лѣса земля,
 Много силы, трудовъ
 Поглотила она!

Тутъ росилась спина
 Потомъ, словно водой,
 Бѣдняка мужика
 Съ лошадежкой плохой.—
 Лѣсъ зимою свезли,
 Пни копали весной,
 И по всей той нови
 Работали киркой;
 А теперь вотъ орутъ,
 Чтобъ засѣять зерномъ;
 Корни-жъ драть не даютъ,
 Споръ ведутъ съ мужикомъ.—
 Неравна, зная, борьба:
 Ноги чуть волокеть,
 Отъ натуги, труда
 Потъ ручьями течетъ;
 Кряхтитъ кляча, мужикъ
 Кнутомъ гонить ее,
 А дневной зной великъ—
 Огнемъ палить его.—
 Вотъ за корень задѣлъ
 Кляча дальше нейдетъ,
 Пахарь вдругъ осовѣлъ—
 Отъ сохи прочь идетъ,
 Сѣлъ на глуду земли,

Наклонился башкой,
 Поскребъ кудри свои
 Утомленной рукой,
 И задумчивый взоръ
 На село устремилъ:
 Онъ жалѣлъ, что топоръ
 Взять изъ дома забылъ.—
 Но вотъ высморкался,
 Потъ отеръ рукавомъ,
 Всталъ и выпрямился,
 И къ сохѣ вновь подшелъ.
 Наклонилась спина,
 Изогнулась дугой,
 И въ мигъ съ корнемъ земля
 Вверхъ взвилася змѣей!
 Тутъ плевокъ со словцомъ
 Бросилъ онъ на пашню,
 Возжи взялъ и кнутомъ
 Погналъ клячу свою;
 На сажени застрялъ—
 Снова корень задѣлъ—
 Пахарь соху сломалъ
 И, какъ смерть, поблѣднѣлъ!
 Ужъ такой онъ бѣды
 И не ждалъ надъ собой,—

Неразжиться сохи,
 Неплатяся мошней!
 А мошня-то пуста—
 Гроша нѣтъ за душой!
 Зло заплачетъ жена,
 Какъ вернется домой.—
 Бѣднота, а дѣтей
 Цѣлый коробъ Богъ далъ;
 Хлѣба пять четвертей
 На прокормъ ихъ занялъ;
 Долгъ хотѣлъ заплатить
 Онъ работою купцу,
 А пришлось нажить
 При уплатѣ бѣду.—
 Долго, долго стоялъ
 Пахарь мой на пашнѣ,
 Все затылокъ чесалъ
 Отъ думъ злыхъ въ головѣ.

Могила въ полѣ.

Въ ряду съ пустыремъ
 И не пашешься,
 Издали бугромъ
 Сѣрымъ кажешься;
 По тебѣ трава

Хоть и родится,
 Да съ косою она
 Вѣкъ не водится:
 Высока, жестка,
 Стеблемъ твердая,
 Скоту не годна—
 Неудобная.
 Негодна трава!—
 Не печалишься;
 Не росить слеза!—
 Не нуждаешься;
 Не придетъ ни кто!—
 Не потребуешь,—
 А пришелъ-ли кто!—
 Не погребуешь,—
 Надѣлишь тоской
 Грудь могучую,
 Градовой слезой
 Кровь кипучую;
 Постоить, вздохнетъ
 И поклонится,
 А домой придетъ
 И опомнится:
 Распростится съ зломъ
 По предательски,

Жить начнетъ съ добромъ
По пріятельски.

Черный день.

Молнія блеснула,—
Бѣда налетѣла:
За разъ все вспыхнуло
И въ мигъ все сгорѣло!
Обвожу глазами
Все свое имѣнье,
И глаза слезами
Покрылись въ мгновенье.—
Гдѣ была постройка,
Тамъ зола пестрѣла,
Коней моихъ тройка
Лежить—обгорѣла,
Изжарилась свинка,
Коровка спеклася,
Отъ двора дубинка
Одна осталася,
Да печка отъ хаты—
Вотъ и всѣ пожитки!
Зачинить заплаты
Не осталось нитки;
На гумнѣ одонья

Словно не бывали.—
 Въ огорожѣ колья
 Словно не стояли.—
 Все огнемъ спалило
 И сравняло съ полемъ,
 Нѣтъ того, что было—
 Чистъ, остался съ горемъ!
 И къ горю горою
 Горе привалило,—
 Всѣхъ друзей со мною
 На вѣкъ разлучило.—
 Иду по селенью,
 Словно зачумленный,
 Друзья, къ удивленью,
 Въ уголь отдаленный
 Прячутся и смотрять
 Оттуда сквозь стѣну,—
 Ко мнѣ не выходятъ—
 Всѣ чинять измѣну!
 Родня-же слезами
 Только осаждаеть,
 А помочь дѣлами?
 Головой качаетъ.
 Охъ! время лихое
 Для бѣдняги стало,—

Вспомню прожитое,—
 Все не такъ бывало;
 Бывало съ нуждою
 Къ сосѣду сплеться
 И живою рукою
 Всего разживешься;
 А теперь за долгомъ
 Идешь осторожно:
 Того глядишь-коломъ
 Огрѣютъ, какъ должно.

Сиротки.

Рано утромъ по домамъ
 Три сиротки бродятъ.
 „Христа ради дайте намъ“!
 Милостыни просятъ.—
 На проулкѣ одинъ домъ
 Геркулесомъ смотритъ,
 Изъ окна его съ зломъ
 Хозяинъ дѣтямъ грозитъ.
 „Погодите, я вотъ васъ
 „Гнать велю метлою!
 „Безпокоятъ каждый разъ
 „Грязною сумою.—
 На хозяина взглянули

Дѣти со слезами
 И въ мигъ улепетнули
 Съ пустыми сумами.
 Онъ стоитъ довольный:
 Одержалъ побѣду—
 Малютокъ, хоръ голодный,
 Проводилъ къ сосѣду.
 А сосѣда хата вотъ
 Приклонилась долу,
 Вѣтеръ съ крыши третій годъ
 Разносить солому;
 Стеколь въ рамахъ почти нѣтъ—
 Заткнуты тряпичей;
 Въ хатѣ жилъ когда то дѣдъ
 Съ старухой—сестрицей;
 Дѣдъ отжился, а сестра
 Гладитъ и стираетъ,
 И такимъ трудомъ она,
 Богъ далъ, проживаетъ;
 Дѣтскій голосъ подъ окномъ
 Ея беспокоитъ
 И старушка со крестомъ
 Даръ дѣтямъ выносить:
 Скибу хлѣба, кружку грушъ,—
 Дѣти, вотъ возьмите!

Богъ любитель вашихъ душъ,
 Умру,—„помяните!“
 За даромъ протянулись
 Ручки съ слезнымъ взоромъ,
 Дѣти переглянулись,
 Сѣли подъ заборомъ;
 Съ аппетитомъ живо тутъ
 Завтракать начали;
 Разговоръ живой ведутъ—
 Забыли печали!
 И съ радостью старушка
 На дѣтокъ взираетъ:
 Ихъ дѣтская пирушка
 Ея утѣшаетъ;
 Но сумраки нависли
 На челѣ сосѣда...
 А кто узнаетъ мысли,
 Кромѣ Сердцевѣда?

Д о р о ж к а.

Вотъ дорожка ведетъ въ гору
 И за городъ повела,
 Вотъ приводитъ меня къ бору,
 Дальше бора не пошла;
 Въ бору вижу храмъ старинный,

Обветшалый отъ годовъ;
Вижу рядъ могилъ обширный
И надгробный лѣсъ крестовъ;
Вижу мраморы, граниты
Съ рѣзной надписью на нихъ;
Вижу каменные плиты
Безъ фантазіи живыхъ;
Между ними примѣчаю
Земляныя бугорки,
То могилы, полагаю,
А въ могилахъ бѣдняки,—
Однимъ воздухомъ прикрыты,
Тощей травкой поросли,—
Были бѣ вѣрно позабыты,
Небудь насыпа земли.
Жилъ бѣднякъ, терпѣлъ и горе
И въ могилу залегъ съ нимъ;
Но въ суровой своей долѣ
Также счастливъ былъ однимъ:
Умеръ съ вѣрой и надеждой,
Что за гробомъ есть Отецъ,
Онъ пріютъ даетъ душѣ бѣдной
И страданіямъ конецъ.

В д о в а.

Знаю, бѣдная вдова,
О чемъ ты вздыхаешь!
Осталась съ дѣтьми одна—
Тяжело страдаешь!
Мужъ кормилъ семью трудомъ,
При немъ сыты были,
И въ дѣлахъ конецъ съ концомъ
Кое-какъ сводили;
Хоть нарядно вся семья
И не одѣвалась,
За то въ храмъ Божій всегда
Опрятно являлась;
Чашку чаю на столѣ
Въ будній день видала,
А по праздникамъ въ семьѣ
И булка бывала;
Въ день же ангела родня
Вся къ тебѣ сходилась,
Приходили и друзья—
Семья веселилась!
Много было хоть труда,
О дѣтяхъ—заботы,
Но была ты весела,

Не знала невзгоды,—
Солнце какъ-то веселѣй
Для тебя свѣтило,
Ты не знала черныхъ дней—
Жизнь текла терпимо;
А теперь съ разсвѣтомъ дня
Одна слеза льется,—
Злая доля, какъ змѣя,
Вокругъ тебя вьется:
Хлѣба нѣту ни куска,
И денегъ ни гроша,
Во всемъ горькая нужда—
Тяжелая ноша!
Чашку чаю на столѣ
И въ праздникъ не видишь;
Разбѣжались друзья всѣ—
Никого не сыщешь!
Но не плачь, моя душа!
Не горюй родная!—
Ни одной тебѣ судьба
Досталася злая.
Вспомни ты бѣднягъ слѣпыхъ
И глухихъ, убогихъ;
И повѣрь мнѣ дѣла ихъ
Хуже твоихъ—вдовьихъ.

Ты страдаешь лишь однимъ—
Просто нищетою!
А твоя судьба вѣдь имъ
Кажется смѣшною.
О сумѣ бы всѣ они
Толковать не стали,
Если-бъ членами, какъ ты,
Всѣми обладали.
Жить на свѣтѣ, не видать
Солнечнаго свѣта,
Людской рѣчи не слышать—
Не мука ли эта?
Послѣ этого смѣлѣй
Переноси горе,
Коль есть горе тяжелѣй
На житейскомъ морѣ.

О с е н ь .

Холодить зарями стало
И морозить по утрамъ,
Зноить солнце перестало,
Шумить осень тутъ и тамъ.
Долу клонятся вершины,
Листья сыплются дождемъ,
Укрываются долины

Густолиственнымъ ковромъ.
Ароматъ нигдѣ не вѣтъ:
Травка больше не цвѣтетъ;
Все желтѣетъ и бледнѣетъ,
И степенно скромно мретъ;
Пташки пѣвчія слетѣли,—
Пѣсенъ больше не слышать;
Мошки всѣ оцепенѣли,—
Ни клубятся, ни жужжать.
И стоитъ лѣсъ опустѣлый
Съ непокрытой головой,
Стоитъ, смотритъ на свѣтъ бѣлый
Съ затаенною враждой;
Грудь колышетъ вѣтеръ сильный,
Сломить силится ее;
Отъ борьбы той стонъ унылый
Оглашаетъ все село.
Но никто нейдетъ съ защитой—
Друзья прячутся въ курень,
И вотъ въ горѣ позабытый
Стонетъ онъ и ночь и день:
Ему больно прожитое
Доля прежнихъ ясныхъ дней,—
Надрываетъ ретивое
Лицемеріе друзей;

Когда былъ онъ во всей славѣ,
Былъ богатъ, какъ древній Крезъ,
И по всей его державѣ
Цвѣло множество чудесъ;
Тогда всѣ къ нему толпою
Шли со всѣхъ почти сторонъ
И съ казною, и съ сумою,
И давалъ онъ всѣмъ притонъ.
Радость верха достигала
Подъ его густымъ шатромъ,
Горе пѣсенки пѣвало,
Какъ довольное во всемъ;
А теперь хлѣбъ, соль забыты,
Насмѣхаются надъ нимъ,
Разошлись друзья—сердиты,
Одна буря стонетъ съ нимъ.
Поля также одичали—
Нигдѣ стада невидать:
Холодно и перестали
Скотъ на пастбище гонять.
Даль мрачна, вездѣ пустынна,
И нависли облака;
День коротокъ, а ночь длинна,—
Стала улица пуста.
Рѣки больше не струятся

Серебристою струей,
 Все волнуются, пѣнятся,
 Дружатъ съ тучею одной.
 Какъ туча и воды темны
 Отъ пустынныхъ береговъ,
 Съ шумомъ движутся ихъ волны
 Въ край отсутствія снѣговъ.
 Что же дѣлаютъ по хатамъ?
 Отдыхаютъ отъ трудовъ,
 Да повѣдаютъ ребятамъ
 Про былую жизнь дѣдовъ.

Осенній путникъ.

Самъ незнаю, куда ѣду:
 Либо въ яръ, либо домой;
 Волна стелется по слѣду,
 Съ неба дождь льетъ проливной.
 Я промокъ, продрогъ, а кони
 Шагомъ, съежившись, идутъ,
 Такъ устали, что погони
 Ужъ не чувствуютъ ни чуть;
 Колокольчикъ съ бубенцами
 Звуковъ громкихъ не даютъ;
 Грязь шумитъ подъ колесами,
 Оси пѣсенки поютъ.—

Ничего въ близи не вижу:
Тьма кромѣшная кругомъ,
Одной бури стоны слышу—
Гдѣ-то борется съ дождемъ.
Безпріютно, да и жутко:
Ѣдешь, ждешь одной бѣды,—
Вѣкомъ кажется минутка,
Смерть летаетъ впереди:
Вотъ, того гляди, саврасый
Полетитъ стремглавъ въ оврагъ,
И погибну я—несчастный
Среди поля и впотьмахъ!

Радость и горе.

Съ утра ясная погода
И не вѣялъ вѣтерокъ;
Въ зною спала вся природа,
Висъ безтрепетно листокъ;
Небо темно-голубое
И безъ облачка вездѣ,
Одно солнце золотое
Утопало въ синевѣ;
Въ тишинѣ той благодатной
Радость вѣяла вездѣ,
Жизнь минутою отрадной

Наслаждалась на землѣ.—
Въ рошѣ птицы распѣвали,
Стада нѣжились въ поляхъ,
Медокъ ичелки собирали
Въ заповѣданныхъ лугахъ;
Золотой текла струею
Рѣка въ сонныхъ берегахъ,
Рыбки плескались порою
И рѣзвились въ струяхъ;
По всѣмъ улицамъ селенья
Дѣти малыя толпой
Забавлялись отъ бездѣлья
Борзой конною игрой;
У ограды у церковной
Отдыхали старики,
Разговоръ вели укромный—
Разсуждали про грѣхи
Взрослыхъ дѣтокъ, юныхъ внуковъ,
Что нейдутъ изъ кабака,
Нестыдятся дурныхъ слуховъ
Небоятся и грѣха;
Въ огородахъ пѣсни пѣлись
За работой на грядяхъ,—
Тамъ въ рядахъ дѣвицъ виднѣлись
Парни съ хлыстикомъ въ рукахъ.—

Все, повиду, наслаждалось,
Все безпечно такъ жило,
Злой бѣды не ожидалось
Одно счастіе цвѣло;
Но вотъ облачко по небу
Въ полдень съ запада плыло,
Не на радость плыло свѣту—
Разореніе несло;
По дорогѣ разрослося
Въ тучу грозную оно,
На сводъ неба оперлося,
Давить воздухъ начало!
Зашумѣла, заиграла
Буря съ свистомъ по селу,
Все ломала и швыряла,
Что встрѣчалось на ходу;
Пылью даль отъ глазъ закрыла,
Солнце скрылося отъ глазъ,
Роща вѣдьмою завыла,
Закипѣла рѣка въ разъ!—
Волны съ пѣной понесли,—
Заметалася жизнь вся:
Стада въ кучу собралися,
Съ визгомъ ежилась свинья;
Пташки всѣ пѣть перестали

И попрятались въ кусты;
Вились вороны, кричали
Отъ предчувствія бѣды;
Скрылись дѣти въ свои хаты,
Старики ушли домой;
Побрасали свои гряды
И дѣвицы той порой.—
Вдругъ вотъ молнія сверкнула,
Съ ней вулканомъ грянулъ громъ!
И селеніе вздрогнуло—
Охватилося огнемъ!
Черезъ часъ была картина—
Ста дворовъ какъ не бывало!
Залегла на грудь кручина—
Горько плакало село!

З и м а.

Солнце свѣтитъ, да не грѣетъ
Своимъ яркимъ свѣтомъ;
Безъ тепла жизнь костенѣетъ
Подъ холоднымъ снѣгомъ.—
Спятъ и горы, и долины
Съ мертвой тишиною
Только заяцъ у крутины
Пробѣжитъ порою,

Да голодный волкъ отъ скуки
Въ полѣ колобродить,
Воемъ жалобнымъ отъ муки
Лишь тоску наводитъ;
По рѣкамъ, какъ по дорогамъ,
Тянутся обозы,
Скрипятъ сани подъ сугробомъ—
Каждый день морозы!
Съ утра солнце караулятъ
Два столба до ночи,
И такою стужей мучать,
Что терпѣть нѣтъ мочи!
Птичка бьется подъ застрѣху,
Песъ визжитъ въ канурѣ,
Позабыли скоты нѣгу—
И трясутся въ шкурѣ!
Одна кошка разваляся,
На печи ликуеть,
Кому доля досталася,
Тотъ зимы не чуетъ!

Всемирный идолъ.

Первый идолъ всего свѣта—
Это денежки вездѣ:
Отъ разсвѣта до разсвѣта

Покланяются имъ всѣ!
Кто богатъ, тотъ козырь словно
Всѣ три масти разомъ бьетъ,
Живетъ легко и удобно,
Одни лавры всюду жнетъ!
Всѣхъ открыты ему входы,
Многіе—ему рука,
И къ лицу идутъ всѣ моды—
Не помѣхой сѣдина.—
Глупъ, какъ пробка, нѣту дѣла—
Часто славится умомъ,
И какъ идолъ, всегда смѣло
Прославляется добромъ;
Черныхъ пятнышекъ не видно,
Хоть измаранъ весь покровъ;
Все въ немъ чудно, все завидно,
Для похвалъ ему нѣтъ словъ!
Вѣчно въ львиной шкурѣ ходитъ,
Недоступенъ ни кому;
Время въ глупостяхъ проводить—
И простительно ему;
Паразиты цѣлой шайкой
У ногъ ползаютъ его,
Онъ стегаетъ ихъ нагайкой,
И не злятся на него.

Состоянье не земное —
 Позавидуешь ему!
 А размыслишь, такъ пустое
 Не дай, Боже, никому.
 До тѣхъ поръ богачъ на вышкахъ,
 Пока денежки звенятъ;
 Обѣдняль,—засѣль въ мартышкахъ—
 Всѣ смѣются заурядъ.
 Одинъ разумъ зрѣлый—дѣло,
 Дорожи имъ—человѣкъ!
 Съ нимъ найдешь ты всюду смѣло
 Почетъ истинный въ свой вѣкъ.

С м е р т ь.

Коль живешь, герой, на свѣтѣ,
 Не гордись, не зазнавайся:
 За плечами смерть въ пикетѣ
 Приказъ дать, и въ мигъ являйся.
 Случай, санъ помочь не могутъ,
 Такъ смерть характеромъ тверда,
 Слезы грудь ея не тронуть—
 Она, какъ льдина, холодна.
 Намъ различія не знаетъ,
 Житейскихъ кастъ не признаетъ,
 Всѣ титулы отвергаетъ,—

Рабами всѣхъ людей зоветъ.
 Будь ты въ чинѣ генерала,
 Или хотъ выше и того,
 Она также, какъ капрала,
 Безъ чести приметъ—все равно!
 Въ катафалкѣ изъ палаты,
 Или прямо изъ болота
 Валить равно въ однѣ хаты
 Какъ спартанца, такъ илота.

С л е з а.

Слеза источникъ утѣшенья
 Во всѣхъ напастяхъ и бѣдахъ,
 Въ слезѣ хранятся облегченья
 Для насъ въ житейскихъ суетахъ.
 Вотъ постигаетъ меня горе,
 Его мнѣ не съ кѣмъ раздѣлить,
 И тяжелѣтъ горе вдвое,
 Пока слеза не побѣжитъ.
 Потокъ слезы тоску уносить,
 Ужъ дышетъ грудь не тяжело,—
 Съ бѣдою мира сердце просить
 И горе сносится легко!

Птичка.

Птичка въ клѣткѣ мило пѣла,—
Долго слушалъ пѣсню я,
Но грусть въ грудь мою засѣла
Отъ мелодіи ея.
Когда птичка на свободѣ
Пѣла пѣсенку свою,
Звуки пѣсни той въ природѣ
Услаждали грудь мою:
Они были громки, звучны,
Полны радости святой,
А теперь они такъ скучны—
Отзываются тоской.
Пѣсня таже, но въ неволѣ
Не поется никогда,
Какъ поется на свободѣ
Птичкой вольною она.
Птичка съ грусти поетъ въ клѣткѣ—
Жаль ей воли дорогой,
А въ саду нагибкой вѣткѣ
Нѣтъ ей грусти никакой!

Звѣздочка.

Что ты звѣздочка мигаешь
Въ небѣ голубомъ,
Али слезы проливаешь
О шарѣ земномъ?
Аль почуяла кончину
Матушки—земли?
Такъ открой тому причину
Хочемъ знать и мы.
Намъ астрономы вѣщаютъ
О крушеніи звѣздъ,
Но о томъ они не знаютъ,
За мильены верстъ,
Что сбиваетъ ихъ съ орбиты
Въ бездну бытія,
И за что онѣ разбиты
Брошены туда?
А мой умъ не допускаетъ
Кары безъ заслугъ:
Правосудный управляетъ
Всею Вселенной Духъ.

Визитеръ.

Отслужился старый годъ,
На столъ засѣлъ новый.
Вотъ подвода у воротъ,
Кучеръ нарядженный:
Шапка съ кистью набекрень
Платье все въ порядкѣ;
Будеть ѣздить цѣлый день
На доброй лошаdkѣ.
Много чувства пособралъ
Ѣздокъ съ годомъ новымъ,
И теперь вотъ загадалъ
Развестъ по знакомымъ.
Вышелъ, фертомъ сѣлъ, „пошелъ—
Во всю рысь несися“!
Вотъ подъѣздъ первый пришелъ.—
„Стой, остановися“!
Слѣзъ съ саней, на верхъ идетъ,
Встрѣчаютъ лакеи;
Имъ озямъ свой отдаетъ,
А самъ—къ батарее;
Батарея на столъ,
Пробки вмѣсто пушекъ;
Сила ихъ видна вполнѣ—

Много лежит тушекъ:
Тутъ просенокъ заливной,
Жареный утенокъ,
Цѣлый окорокъ свиной
И дворной куренокъ;
Тутъ сардины съ колбасой
И пирогъ румяный,
Сыръ голландскій, выписной,
И баранъ курчавый;
Тутъ у браннаго стола
И хозяйка дома;
Гостю руку подала,—
Ожидаетъ слова;
Гость разшаркался предъ ней,
Заморгаль усами,
И полился токъ рѣчей,
Полный чудесами:
Гость желаетъ ей того,
Что ангелу впору,—
Некраснѣтъ, хоть смѣшно
Мутить море вздору.
А хозяйюшка? Она
Слушаетъ, смѣется,—
Эта поза издавна
Межъ людей ведется.

Рѣчь окончилась—пальба
 За ней загремѣла—
 Рюмка полная вина
 Въ горло полетѣла!
 Показалось хорошо,—
 Другая—за нею;
 И пошло такъ, и пошло
 Чрезъ всю батарею;
 Огонь кончился, въ штыки
 Съ вилкою помчался;
 Превратилось все въ куски,
 До чего добрался!
 Вотъ довольный войной той
 Залу оставляетъ,
 Надѣваетъ озямъ свой,
 Дальше уѣзжаетъ.
 Подъѣздъ новый черезъ дворъ,—
 Конь остановился;
 Въ новомъ домѣ тотъ же вздоръ
 Снова повторился.
 И такъ дальше—въ новый годъ
 Визитеръ катался;
 Въ домъ вернувшись, у воротъ
 Слѣзъ съ саней,—шатался.
 Въ пьяномъ видѣ разсудить—

Ждать добра не можно,—
 Все, что было, тому быть
 Въ новомъ году должно.
 Бѣды можетъ быть плывутъ,
 Какъ и въ году старомъ,
 Въ жизни радости убьютъ
 И надѣлятъ адомъ.
 Если хочешь зла избѣчь—
 Начинай не съ водки,
 А скинь лишнее ты съ плечъ
 На долю сиротки.

З о л о т о й.

Говоришь, что золотой—
 Забава пустая?
 Пусть ничтоженъ онъ собой,
 Но въ немъ вся благая;
 Съ нимъ доволенъ я и сытъ,
 И живу въ палатахъ,
 Не терплю въ одеждѣ стыдъ
 Не хожу въ заплатахъ;
 Тройка пѣгихъ на дворѣ,
 Человѣкъ въ услугахъ,
 Сласти, вина на столѣ,
 Времячко въ разгулахъ;

Визитеры подъ подъѣздъ
 Утромъ подъѣзжаютъ;
 Мнѣ земныхъ благъ и надеждъ
 Искренно желаютъ;
 Всѣ съ прелестною душой,
 Въ праздничномъ уборѣ,
 Цѣлый день сидятъ со мной,—
 Развлекаютъ въ горѣ;
 А про горе-то свое?
 И сказать мнѣ стыдно:
 Я люблю съ гостями одно—
 Покушать солидно.

Баюшки—баю.

Спи младенецъ мой прекрасный,
 Спи подъ пѣснь мою!
 Пока день далекъ несчастный—

Баюшки—баю!

Спи! пока вокругъ все свѣтло.
 И жизнь вторить дню:
 Течетъ тихо, безмятежно

Баюшки—баю!

Спи! пока бѣды не знаешь,
 И на грудь свою
 Лишь одну слезу роняешь

Баюшки—баю!

Спи! пока я охраняю,
За тобой смотрю,
Колыбель твою качаю
Баюшки—баю!

Подростешь, тогда узнаешь
Горечь жизни всю,
И до гроба застрадаешь
Баюшки—баю!

Камнемъ острымъ тоска злая
Спадетъ въ грудь твою,
Когда спросишь: „гдѣ родная“?
Баюшки—баю!

Разскажу я той порою,
Какъ въ одну зорю
Ты покинуть былъ родною
Баюшки—баю!

Какъ у дуба вѣковаго
На руку свою
Подняла тебя родного
Баюшки—баю!

И на Бога уповая,
Въ хатенку свою
Принесла, слезу роняя
Баюшки—баю!

Обогрѣла, накормила
 Новаго родню,
 И на вѣки полюбила
 Баюшки—баю!
 Богъ пошлетъ,— и ты вспомнянешь
 Заботу мою:
 Меня родной считать станешь
 Баюшки—баю!
 И до гроба успокоишь
 Нянюшку твою;
 Съ слезой къ кладбищу проводишь
 Баюшки—баю!

П ъ я н и ц а.

Какъ у гуся носъ мой красенъ,
 Щеки вздуты, какъ пузырь,
 Какъ паркетный полъ ликъ ясенъ,
 И на лбу—большой волдырь;
 Глаза мутны,—осовѣли,
 Волоса стоятъ копной,
 Члены такъ всѣ одряхлѣли,
 Что чуть движусь, какъ больной;
 Прямой тропкой не пройду я:
 Все шатаюсь съ бока въ бокъ;

Вѣтеръ дунеть—и лечу я,
 Какъ подкошенный цвѣтокъ,—
 Стучу всею головою
 О какойнибудь предметъ,—
 Часто кровію родною
 Замѣчаю грѣшный слѣдъ;
 Но не ссорюся съ толчками—
 Чувства боли нѣтъ во мнѣ,
 Хоть покрыто синяками
 Тѣло грѣшное вездѣ;
 Да о немъ мнѣ нѣтъ заботы—
 Пусть заботится судьба!
 Я-жъ не пасынокъ природы:
 Мой надѣлъ земной—гульба.
 Объ одеждѣ и о хатѣ
 У меня заботы нѣтъ,—
 И въ изорванномъ халатѣ
 Я все тотъ-же вижу свѣтъ!
 Тоже солнце и мнѣ свѣтитъ,
 Подъ одной живу луной,
 Хоть подчасъ и ихъ замѣтитъ—
 Не приходится порой!
 Зной меня не проекаетъ
 И морозъ не костенитъ,
 Безпріютность не страшаетъ—

Ко всему давно привыкъ!
 А приличіе людское?
 Я давно его забылъ:
 Для меня все то пустое,
 Что двуногій сотворилъ!
 Я въ мундиръ не облачаюсь,
 Шлейфа — вовсе не терплю!
 Однимъ въ міръ забавляюсь,—
 Это водочкой,—и пью!
 А что пью? такъ это нужно:
 Мнѣ отъ водки веселѣй,
 Ничего при ней не нужно
 И головушка умнѣй!
 Жизни нашей назначенье—
 „Нагъ родился, нагъ умру“;
 А такое вѣдь ученье
 Одинъ я понять могу:
 Отъ нагого отличаюсь
 Я однимъ лишь лоскутомъ,
 И въ могилу отправляюсь,
 Опять тѣмъ-же, нагишомъ.

Н е г о р ю й.

Намъ въ науку давно
 Всѣмъ пропѣто одно:

„Горе есть,—не горюй,
„Дѣло есть,—работай“!
Такъ напрасно мой другъ,
Унывая живешь:
Жизнь погубишь ты вдругъ,—
Ни за грошъ пропадешь!
Много въ жизни людей,
Шло дорогой твоей,
Но давно всѣ они
На кладбищѣ—костями!
Только я уцѣлѣлъ:
Не по ихнему жилъ—
Все горю и горѣлъ,
И огня не тушилъ.
Поскребу голову,
Посѣдѣть она,
И то снова начну,
Что отниметъ судьба.
Не подъ силу борьба
Мнѣ бываетъ порой,
Но не спорить судьба
Съ моей грудью стальной!
Я на почвѣ одной
Отъ рожденья стою—
Крѣпокъ сердцемъ, душой,

Огонь жизни люблю;
 И огня никому
 Не продамъ низачто:
 Я съ нимъ жилъ и живу,
 Съ нимъ мнѣ жить хорошо!
 Потуши, я зажгу
 Въ другомъ мѣстѣ его,
 Лишь тихонько скажу:
 „Было горѣ—прошло“.
 Моя гордость не та,
 Что-бы спорить съ судьбой;
 Коли жизнь—суета,
 Такъ мирись съ суетой!
 А повстрѣтится рай—
 Заберусь и въ него,
 Слово есть „не зѣвай“,
 Съ нимъ добуду всего.

К у л а к ъ.

Думѣ градской я подвѣдомъ,
 Боюсь страшно головы,
 И великимъ кажусь членомъ
 Для одной родной жены;
 Жизнь различно провождаю—
 Больше въ городѣ живу,

По селеньямъ прозябаю,
 И бродячью жизнь веду;
 Сортъ вещей я понимаю,
 Сортируюся и самъ,—
 Себя прасоломъ считаю,
 Когда ѣзжу по селамъ;
 А когда купцу въ аренду
 Я услуги отдаю,
 То по взятому патенту
 Тутъ прикащикомъ слыву;
 А когда я занимаюсь
 Одной ссыпкою купцамъ,
 Кулакомъ тогда считаюсь,—
 Такъ я названъ по сердцамъ.
 При покупкѣ очень часто
 Разъ сто сорокъ побожусь,
 И вотъ этимъ то ужасно
 Станнымъ людямъ я кажусь;
 А купить то мнѣ безъ клятвы
 Не дается никогда:
 Мужикъ толки невнятны—
 Онъ вотъ словно сатана!
 И кресту порой не вѣрить—
 Прочь отъ воза такъ и претъ!
 Вѣчно онъ однимъ тѣмъ бредитъ,

Что кулакъ съ ума сведеть.
А попробуй-ка кормиться
Отъ заемнаго гроша,
Такъ миллионъ разъ побожиться
Разрѣшить тебѣ нужда;
Мы на деньги хотъ торгуемъ,
Но вѣдь займы ихъ беремъ,
О процентахъ не толкуемъ—
Что запросятъ—отдаемъ.
А тутъ дома жена, дѣти
Безъ насущнаго сидятъ,
И какъ мыши въ пустой клѣти
Отвратительно пицатъ;
Отъ галды себя избавишь—
Барышъ кой-чѣмъ навернешъ,
Ну, грѣхомъ дѣла поправишь,
А за грѣхъ бѣду несешь.
Въ товаръ вѣса понадуешь,
Когда цѣны послались,—
Вотъ купечество надуешь,
И въ полицію плетись!
А полиція не вѣритъ,
Что ты сдѣлалъ по нуждѣ,
Такъ подъ судъ упечь и мѣтить—
Не посудить о семьѣ,

Знать не хочетъ, хоть разувши,
 Ты всѣхъ дѣточекъ води!
 И невѣсту, хоть замкнувши,
 Черезъ наряды содержи.
 Вотъ какая моя доля
 Другъ мой, милый человѣкъ!
 И я съ этого, знать, горя
 Пробожуся цѣлый вѣкъ.

П р о в о д ы.

Крестъ церковный впереди,
 Въ рядъ дитя съ иконой,
 Идетъ парень позади
 Съ крышкою сосновой;
 Вслѣдъ священникъ со дьячкомъ
 Поютъ „Святый Боже,“
 А за ними вчетверомъ
 Несутъ съ мертвымъ ложе.
 „Пойдемъ-ка, другъ, посмотримъ,
 Похоронъ картину,
 Покойника проводимъ
 Въ вѣчную квартиру:
 Рано-ль, поздно-ль но и мы
 Ляжемъ, другъ, съ тобою
 Подъ дубовые кресты—

Подъ сырой землею!“
 Согласились, пошли въ слѣдъ
 За крестомъ церковнымъ;
 Слезъ и плача вокругъ нѣтъ—
 Умеръ, знать, безроднымъ!
 И безродный и бѣднякъ—
 По комфорту видно:
 Гробъ сколоченъ кое-какъ,
 Покрасы не видно,
 Ни парчи, ни полотна
 Ни гдѣ незамѣтно,
 Подъ иконой нѣтъ платка—
 Все такъ очень бѣдно!
 Людей лишнихъ никого,
 Ни одной подводы;
 Нѣтъ у гроба и того,
 Кто ведетъ расходы.
 „Скажи милый—будь добрякъ“!
 Я спросилъ сосѣда,
 „Чей отправился бѣднякъ
 Въ районъ того свѣта“?
 —„Это, баринъ, изъ простыхъ,
 „Человѣкъ захожій,
 „Жилъ рабочимъ у Сѣдыхъ,
 „А теперь—рабъ Божій;

„Передъ смертью говорилъ,
 „Есть жена и дѣти,
 „Передать мнѣ поручилъ
 „Имъ поклонъ на вѣки.“
 На погостъ пришли, и вотъ
 Свѣжая могила
 Лежить прямо у воротъ,
 Пасть свою раскрыла;
 Подошли къ ней, съ плечъ долой
 Мертвеца спустили,
 Гробъ накрыли и съ мольбой
 Въ яму опустили.
 Взялъ священникъ горсть земли
 И бросилъ въ три раза;
 Тоже сдѣлали и мы
 Со слезой у глаза.
 Братъ прощай, хоть я съ тобой
 При жизни незнакомъ,
 Но рокъ общій—гробовой
 Мнѣ тобой назвался.
 Вспомнилъ я святыхъ завѣтъ
 И вотъ шолъ за гробомъ,—
 Помяни, братъ, мой привѣтъ,—
 Помолись предъ Богомъ!

Преступникъ.

Въ сырой тюрьмѣ, за грузной дверью,
 Замкнутой висячимъ замкомъ,
 Окованъ желѣзною цѣпью
 Преступникъ стоитъ предъ окномъ;
 Окно замулевано мѣломъ,
 Рѣшетка, какъ грохотъ часта,—
 Несчастному на свѣтъ бѣломъ
 Бѣлѣютъ одни небеса,—
 Окно высоко надъ землею,
 Неслышно шаговъ часовыхъ,
 Окружонъ одной тишиною
 Онъ плаваетъ въ думахъ своихъ.
 Вотъ мысли несутся волною
 И бьются о берегъ родной:
 Разлученъ онъ съ милой семьею
 Превратной жестокой судьбой;
 Простился онъ съ нею на вѣки—
 Въ Сибирь съ нимъ семья не поидеть—
 И мочить слеза его вѣки,
 И капля за каплей течетъ;
 Онъ видитъ храмъ Божій, могилы,
 И съ радостью въ нихъ бы залегъ:
 Тогда ему были-бъ помины,

А теперь помянетъ лишь Богъ!
 И вотъ ручьемъ весеннимъ льется
 Слеза изъ потухшихъ очей,
 И сердце преступника бьется,
 Какъ сердце и добрыхъ людей!
 Вчера приговоръ прочитали—
 На катаргу онъ осужденъ!
 Вотъ въ цѣпи его заковали,
 Такъ заживо онъ схороненъ!
 Ужасной та мысль показалась,—
 Въ моментъ измѣнилось лицо,
 Тревогой въ груди отозвалась,
 Зазвучали цѣпи его!
 Обводитъ дозоромъ каморку,
 Поднимаетъ цѣпи на свѣтъ,
 Могучей рукой втихомолку
 Ихъ пробуетъ—крѣпки иль нѣтъ?

Ошибочный расчетъ.

Завтра будемъ косить лугъ,
 Старики сказали;
 По задворкамъ пошелъ стукъ—
 Косы отбивали.
 „Косить надо по зорѣ:
 Зной томить не будетъ,

И трудъ легче по росѣ,
 И лишокъ прибудеть.
 Лишній возикъ не бѣда—
 Легче поживется:
 Не страшна будетъ зима,
 И грошъ заведется;
 А ужъ съ грошемъ нѣтъ бѣды:
 Старшина не страшенъ,
 Отъ погрома голытьбы
 Будешь безопасенъ,
 Податямъ подходитъ срокъ,—
 Я не заробѣю:
 Сразу выдамъ весь оброкъ,
 И такъ уцѣлѣю;
 Заживу съ семьей своей
 Сытно и привольно,
 И для праздника харчей
 Прапасу довольно;
 Придетъ праздникъ — со свѣчей
 Въ церковь поплетуся,
 И за грошикъ трудовой
 Богу помолюся.
 Такъ Даниль тогда мечталъ,
 Косу отбивая,
 Барыши лѣта считалъ,

Зиму ожидая;
 На другой день онъ съ косою
 Утромъ на лугъ плелся,
 Но въ лугу ужъ той порой
 Мѣръ въ совѣтъ сшолся.
 „Старшина сѣнца просилъ,
 Старостѣ дать нужно,
 На святой—писарь гостилъ,—
 Забывать не нужно.

Мой купчина.

Мой купчина, такъ купчина—
 Сразу виденъ, что купецъ!
 По наружности—картина,
 По ухваткѣ—молодецъ,
 По заказу, словно, скроенъ—
 Всѣмъ на батюшку похожъ:
 И характеромъ онъ скромень,
 И дородень и пригожъ;
 Отъ головки до подметокъ
 Чистъ и франтикомъ одѣтъ:
 Вотъ ни длиненъ, ни коротокъ
 Сюртучекъ на немъ надѣтъ;
 Брючки тоже—по фасону,
 И по модѣ сшить желеть;

Представляет онъ персону
 Сорока девяти лѣтъ.
 Волоса, усы, бородку
 Гладить правою рукой,
 Журавлиную походку
 Соблюдаетъ онъ ступой;
 Подъ бородкою сорочка
 Бѣлизною рѣжетъ глазъ,
 На груди висить цѣпочка
 Золотая на показъ;
 Перстенецъ на правой ручкѣ
 Съ неподдѣльной бирюзой,
 И бральянтики тутъ въ кучкѣ
 Съ поразительной водой;
 Деревяннымъ масломъ вѣетъ,
 Роснымъ ладономъ разить—
 Отъ дѣдовъ завѣтъ имѣетъ
 И зѣло его хранить.
 Негасимая лампадка
 Во святомъ углу горить,
 И жена его, хозяйка,
 Въ тучномъ тѣлѣ состоитъ;
 Набѣлена, нарумяна,
 Ходить утицей она;
 Не различишь на ней стана:

Какъ огурчикъ,—вся равна.
Спальня убрана отлично—
Пуховикъ подъ потолокъ,
И содержится прилично
Весь семейный уголокъ.
Что-жъ касается до лавки,
То по ней купчина самъ
Наблюдаетъ всѣ порядки
И товару и деньгамъ:
За товарецъ лишокъ схватить,
Да съ вѣсовъ кой-что урветъ,—
Незаконный приходъ тратить,
Капиталецъ же растетъ.

ДОВОЛЬСТВО.

Разъ вечернею зарею
Я въ саду своемъ гулялъ,
И въ тиши тутъ самъ съ собою
О довольствѣ разсуждалъ.
Мнѣ казалось—всѣ довольны,
Недоволенъ только я!
И вотъ мысли, словно волны,
Понесли тогда меня.
Я прослѣдовалъ всѣ акты,
Что читалъ, слыхалъ порой;

Но исторія и факты
Дали выводъ мнѣ пустой.
Все печальныя картины
Проносились предо мной:
На нихъ видѣлись рутины
Судьбы міра, роковой.

С о л о в е й.

Пой, пой громче, соловейка!
Разгони тоску мою:
Давить грудь печаль—злодѣйка,
Больно сердцу моему.
Всѣ кусточки на равнинѣ
Преклонились головой,
Всѣ цвѣточки на могилѣ
Пригорюнились со мной.
Какъ изъ тучи дождикъ дробный,
Изъ глазъ точется слеза,
И на памятникъ надгробный
Тихо падаетъ она:
Тутъ подъ камнемъ моя радость,
Тутъ все счастіе мое,
Тутъ всей жизни моей сладость,
Тутъ и сердце спитъ мое.
Непробудный сонъ—могила

Не встаетъ изъ ней никто,
 Не пробудится Людмила,
 Не услышитъ ничего!
 Пой-же громче, соловейка!
 Угони тоску мою,
 Улетить печаль—злодѣйка,—
 Я другую люблю!

Признаніе.

Прости, мой другъ, хочу признанье
 Тебѣ, какъ другу, принести:
 Тревожить грудь мою страданье—
 До боли жжотъ огонь любви!
 Огонь тотъ—что-то роковое —
 Его зажгла сама судьба,
 Чтобы тиранить ретивое,
 Измучить геній мой дотла.
 А мнѣ знакомы громы Рока—
 Ударовъ ихъ не отразить,
 Такъ будешь-ли ты столь жестока—
 Рѣшишся смертнаго язвить!
 Ужель меня винить ты будешь,
 Въ чемъ вовсе я не виновать,—
 Законы сердца позабудешь,
 Умоешь руки какъ Пилать?

Я самъ не знаю, какъ то сбылось—
Какъ въ грудь мою запалъ огонь,
Какъ искра въ пламя обратилась
И дружба выросла въ любовь!
Любовной искры я боялся,—
Ее старался утушить,
И день и ночь въ томъ подвизался,
Но не далось совершить.
Знать не дается силъ судьбою
Бороться, съ чѣмъ не суждено:
Не самъ плѣнился я тобою—
Судьбой то дѣло рѣшено!
А я безсиленъ, и не смѣю
Природу сердца измѣнить,—
Къ тебѣ любовью пламенѣю,
И то спѣшу тебѣ открыть.
Суди теперь, какъ понимаешь,
Но не спѣши, другъ, осуждать:
Не геній ты—всего незнаешь
И можешь въ мысляхъ погрѣшать.
Скажу,—коль сердце твое любить,
Такъ не старайся спорить съ нимъ:
Тебя тоска тогда измучить,
Ты жизнь отравишь ядомъ злымъ;
Но если въ сердцѣ нѣтъ привѣта,

И ты не любишь такъ, какъ я,
 Тогда признанье безъ отвѣта
 Оставь, не сердясь на меня:
 Такъ легче будетъ помириться
 Съ разбитой горькою судьбой,
 И легче будетъ сердцу биться
 Въ груди завѣтною тоской;
 Шутить не смѣй!—играть любовью
 Себѣ, мой другъ, не позволяй:
 Отъ этихъ шутокъ истечь кровью
 Всегда возможность допускай!
 Такъ вотъ окончилось признанье,
 Теперь рѣшай задачу ту:
 Или пиши мнѣ „до свиданья“,
 Или кричи скорѣй „люблю“.

Изъ могилы къ женѣ.

Соберись, приходи, погляди—
 На погостѣ теперь живу я;
 Подойди, поклонись, погости
 До вечерней зори у меня;
 Въ тишинѣ средь могилъ погрусти,
 Хоть на мигъ свою радость забудь!
 Обо всемъ о быломъ вспомяни,
 Урони хоть слезинку на грудь!

Лишь одна ты изъ всѣхъ для меня
 Была другомъ моимъ на землѣ,
 Я прожилъ, тебя страстно любя
 День и ночь тосковалъ по тебѣ,—
 И завялъ, и засохъ, и залегъ
 Съ своимъ сердцемъ, что билось тобой;
 Приклонись и услышишь мой вздохъ
 Подъ землею изъ могилы сырой.
 Возвратившись домой, помолись
 Обо мнѣ, какъ о другѣ своемъ,
 Поцѣлуй всѣхъ дѣтей, поклонись—
 Расскажи о свиданьи съ отцомъ.

Болвенскій пустырь.

Надъ Десною—рѣкой,
 Гдѣ впадаетъ Болва,
 Тамъ растетъ сиротой
 И по нынѣ ветла;
 То отростокъ ветлы,
 Что росла въ старину
 Возлѣ старой избы
 На крутомъ берегу.
 Давно сгнила изба
 И снеслася волной,
 Только печка одна

Развалилась грядой;
И по всей той грядѣ
Лишь крапива растетъ,
Шумить, вторить волнѣ,
Когда буря идетъ,
Изъ людей ни одинъ
Никогда, ни ногой,
Только воронъ одинъ
Прилетаетъ порой;
Онъ присядетъ на сукъ,
Покачаетъ ветлу,
Громко каркнетъ и вдругъ
Полетитъ за Десну;
Тамъ въ дубравѣ густой,
Онъ, горюя, живетъ,
Надъ могилой сырой
Пѣснь дикую поетъ.
А въ могилѣ-то той
Вѣрный другъ его спитъ,—
Не родною рукой,
А прохожимъ зарыть.
Было время когда
Въ хатѣ той надъ рѣкой
Съ титломъ злымъ—колдуна
Жилъ Парфенычъ сѣдой;

А чей родомъ онъ былъ,
 Какъ пришелъ на Десну?
 О томъ Титъ не любилъ
 Говорить ни кому.
 И родныхъ никого
 Титъ Парфенычъ не зналъ,
 Говоръ былъ про него,—
 Что онъ въ дѣтствѣ сбѣжалъ
 Изъ родной стороны
 Отъ суровыхъ господъ,
 И сталъ сыномъ нужды
 Рабомъ горькихъ невзгодъ;
 Сперва старцевъ водилъ
 По глухимъ деревнямъ,
 Потомъ рыбу удилъ
 По глубокимъ рѣкамъ;
 Наконецъ облюбилъ
 Мѣсто то на рѣкахъ,
 На немъ хату срубилъ
 И зажилъ какъ монахъ.
 Днемъ за рыбой въ челнѣ
 По рѣкѣ разбѣжалъ,
 Ночь настанетъ, въ избѣ
 Огонекъ зажигалъ;
 И на тотъ огонекъ

Ночью шла голытьба,
Ей обѣдъ, уголокъ
Припасаль старина;
А бывало порой
Соберется казна,
И тогда пиръ горой
Задаваль старина;
Изъ боченка вино
По стаканамъ лилось,
Далеко, далеко
Эхо пѣсни несло;
Но никто изъ людей
Пѣсни той не слыхалъ:
Вѣтеръ съ воемъ звѣрей
Звуки пѣсни сливалъ.
Такъ жилось голытьбѣ
Безъ нужды на Деснѣ,
Пока тихо все шло
И не слышно было.
Но разъ зимней порой
Съ кутежа голытьба
Въ боръ тащилась густой
По трапѣ большака;
Въ это время звенѣлъ
Колокольчикъ вдали

И на тройкѣ летѣль
 Почтальень по пути;
 Во хмѣлю голытьба
 За разбой принялась,
 И большая казна
 Ей тогда досталась!
 Весной смыла вода
 Преступленія слѣдъ,
 Но не скрыла судьба—
 Злое всплыло на свѣтъ!
 Подѣлили казну,
 Захотѣлось всѣмъ жить
 И родную страну
 И родныхъ навѣститъ.
 Вотъ пошла голытьба
 Расходиться домой,—
 Опустѣла изба,
 Осталась сиротой!
 Долго воронъ кричалъ,
 Поджидая гостей,
 Долго Титъ горевалъ
 По дружинѣ своей.
 Вотъ прошелъ уже годъ,
 У рѣки Титъ сидѣлъ,
 Багровѣлъ неба сводъ,

На него Титъ глядѣлъ;
И чудилось ему—
Какъ угаснетъ заря,
То изъ лѣса къ нему
Снова придутъ друзья.
Не ошиблася грудь:
При восходѣ луны
Видитъ трое идутъ
Изъ друзей голытьбы.
Машетъ воронъ крыломъ,
Отъ восторга кричитъ,
И, разставшись съ челномъ,
Титъ въ избушку спѣшитъ.
Освѣтилась изба!
За убраннымъ столомъ
Пьетъ вино голытьба
И толкуетъ о томъ,—
Какъ попались друзья,
Какъ признались во всемъ,
Какъ рука палача
Ихъ хлестала кнутомъ,
И какъ трое то ихъ
Подорогѣ въ Сибирь,
Обманувъ часовыхъ,
Прибѣжали въ пустырь.

Тить не весель сидить:
Отъ друзей онъ узналъ,
Что за нимъ судъ слѣдить—
Розыскать приказалъ.
Зашумѣлъ вѣтерокъ,
Закачалась ветла,—
Вдругъ раздался свистокъ
Близъ избы—у окна.
Это былъ становой
Съ понятыми людьми,
Пришелъ вѣдать разбой
По приказу судьи;
Но потухъ огонекъ,
Нѣтъ въ избѣ ни души:
Тайнымъ ходомъ въ лѣсокъ
Друзья въ пору ушли;
Только воронъ во тьмѣ,
Пробужденный отъ сна,
Кричалъ, вторилъ толпѣ,
Испугавшись свистка;
Да и онъ улетѣлъ;
Опустѣла изба!
Становой повелѣлъ
Караулить тогда.
Круглый годъ сторожилъ

Карауль старика,
 Но Парфенычъ убыль
 Неизвѣстно куда.
 Говорятъ, что въ лѣсу
 Есть могила его,
 И что разъ онъ въ году
 Покидаетъ ее,—
 Въ эту ночь до зари
 Реветь,—стогнетъ Болва,
 И трясутся кусты,
 Долу гнется ветла.

Тайна замкнутой спальни.

Богряный лугъ зари вечерней
 Изчезъ за ближнею горой,
 И съ нимъ угасъ свѣтъ дня послѣдній,—
 Настала ночь, и темнотой
 Покрылась даль, лѣса и горы,
 Съдой туманъ налегъ на все,
 Впотьмахъ блуждающіе взоры
 Вблизи не видятъ ни чего;
 Изчезла прелесть дня въ аллеяхъ,
 Дневную радость мракъ смѣнилъ;
 И листъ на липовыхъ деревьяхъ
 Дремоту шумомъ наводилъ;

Умолкла музыка пернатыхъ,
Уснули птички на вѣтвяхъ,
Одинъ лишь пискъ мышей крылатыхъ,
Въ аллеяхъ слышался кустахъ.
Да вотъ порой надъ головою
Безшумно филинъ пролеталъ,
И воздухъ, двигаясь волною,
Въ аллеяхъ жуть распространялъ.
Давно всѣ спали, не свѣтился
И у конторы огонекъ;
Прилежъ и сторожъ—уморился
Не билъ завѣтный колотокъ.
Повсюду тихо какъ въ могилѣ,
Не слышно дая псовъ нигдѣ,
И лишь въ одной моей квартирѣ
Чуть млѣла лампа на столѣ;
Она звала меня къ покою,
Но сонъ бѣжалъ съ моихъ очей:
Разстроенъ былъ я той порою,
Болѣлъ душой въ тиши аллей.
Меня тревожило бывшее—
Труды, надежда и любовь;
Больно, горько пережитое,
Но тяжелѣй жилося вновь!
И вотъ собрались въ тучу думы,

Дыханье сперлося въ груди;
Затронулись больныя струны,—
Струею слезы потекли.
Я далъ имъ полную свободу!
А время шло, не замѣчалъ,
Какъ струйки слезъ несли невзгоду
И часъ полночный наступалъ.
Слеза страданье облегчила—
Свободнѣй грудью я вздохнулъ;
Ночная темь ко сну манила,—
И я на Божій свѣтъ взглянулъ.
Въ то время тихо выплывала
На твердь печальная луна,
И блѣднымъ свѣтомъ покрывала
Предметы въ полночи она.
Вся далъ покрылась ковромъ новымъ
Подъ полуночною луной,
И все казалось загробнымъ
Подъ тою блѣдной пеленой;
И все въ загробномъ этомъ мірѣ,
Теперь принявши новый видъ,
Приготовлялося къ картинѣ,
Гдѣ тайна вѣчности царить.
Спокойный прудъ воспламенился,
И пасть свою разинулъ гротъ,

Сребристый тополь шевелился,
Какъ караульный у воротъ.
Вдругъ въ замкъ графскомъ загорѣлись
Огни почти во всѣхъ окнахъ,
Сквозь стекла люди тамъ виднѣлись
И впереди стоялъ монахъ.
На пиръ ли свадебный собрались,
Или на тризну похоронъ?
Къ чему то всѣ pripravлялись—
Стояли чинно у колоннъ.
Ни звука трубъ, ни хора пѣвчихъ
Неслышно въ собранной толпѣ
И, молча, въ дверяхъ завѣтныхъ
Монахъ стоялъ съ крестомъ въ рукѣ;
Стоялъ съ поникшей головою,
Съ лицомъ омоченнымъ слезой,
И ждалъ какъ будто той порою,
Когда пробьетъ часъ роковой.
Какъ только всплылъ, сталъ надъ
балкономъ
Полночный мѣсяцъ на часахъ,
Тутъ вдругъ щелкнулъ замокъ со звономъ
И въ спальню тихо вшолъ монахъ.
Въ той спальнѣ, убранной роскошно,
На ложѣ брачномъ пуховомъ

Сидѣла дама и тревожно
Водила взорами кругомъ;
Казалось что-то вспоминала!
Въ тиши ей грезилось о томъ,
Какъ жизнь свою она скончала
Безъ слезъ, безъ плача о быломъ;
Она моментъ тотъ представляла,
Когда съ тревогою въ душѣ
Рукою смертный бульдогъ брала
И выстрѣлъ мѣтила въ себя.
Зачѣмъ такъ рано шла въ могилу,
Чѣмъ ей наскучилъ Божій свѣтъ?
Тому неznать теперь причину:
Могила, время—скрыли слѣдъ.
Со смертью спальня заперлася,
Хозяинъ взялъ къ себѣ ключи;
Но въ спальнѣ память осталася,
И тризна правится въ ночи.
Монахъ вошелъ, перекрестился
Передъ налоемъ со крестомъ,
Графинѣ въ поясъ поклонился,
Зажогъ свѣчу въ углу святомъ;
Въ нарядъ священный облачился,
Поклонъ на стороны отдалъ,
Кадило взялъ и помолился,

И панихиду пѣть началъ.
Когда запѣлъ печальнымъ тономъ
Пѣснь „Со Святыми упокой,“
Тогда графиня какъ-бы съ стономъ
Поднялась съ ложа со слезой,
Колѣна оба преклонила
Передъ налоемъ со крестомъ,
И у Распятаго просила
Себѣ прощенія во всемъ;
О томъ и люди съ ней молились,—
И ровно въ полночь вышли вонъ;
Вновь двери спальни затворились,
Собранье вышло на балконъ.
И тутъ съ графинею простился
Народъ загробной стороны,
Монахъ съ народомъ во тьмѣ скрылся
Потухли въ замкѣ всѣ огни.
Стоитъ графиня одинока,
Глядитъ на даль черезъ барьеръ,
Въ груди у ней рана глубока,
Въ рукѣ сверкаетъ револьверъ;
Глядитъ и тягостно вздыхаетъ,
И слышенъ голосъ гробовой—
Друзей, родныхъ она сзываетъ
На пиръ кровавый роковой;

Она зоветъ на часъ урочный,
Желаешь горе раздѣлить;
Но какъ коротокъ часъ полночный?
Живой не духъ — не прилетитъ.
Вотъ кличетъ друга, съ кѣмъ вѣнчалась
И обмѣнялася кольцомъ,
Съ кѣмъ въ вѣчной любви клялась
Передъ распятіемъ — крестомъ;
Но вотъ тотъ другъ ее не слышетъ:
Онъ обвѣнчался на другой!
Ее-жъ забылъ и только пишетъ
Въ поминаньи за упокой.
Звать стала сына дорогаго,
Безъ ней растетъ онъ сиротой,
Но нѣтъ и графа молодаго:
Онъ тамъ далеко — за Невой.
Вотъ тутъ-то страшно зарыдала
Въ саду загробная вдова!
Луна же блѣдно освѣщала
Надгробный памятникъ тогда;
Замѣтивъ крестъ и у подножья
Молитвы чудный идеалъ,
На то была знать воля Божья —
Графинѣ силу Богъ подалъ,
Отерла слезы и тропою

Къ кресту графиня вотъ идетъ
И съ нѣжной любящей душою
Ему земной поклонъ даетъ.
Поклонъ отдавши, приложилась
И вдругъ исчезла безъ слѣда;
Но вся окрестность огласилась
Въ то время пѣньемъ пѣтуха.

Главный складъ изданія находится въ
Тулѣ, при писче-бумажномъ магазинѣ
А. Д. ЛЬВОВА, Кіевская ул., собствен-
ный домъ.

Требованія адресуются въ ТУЛУ на имя издателя
АГАПІЯ ДАНИЛОВИЧА ЛЬВОВА.

Оптовымъ покупателямъ дѣлается
20% уступки.

ВЪ
НЪ
Н-

РѢ

